

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

*В. Ф. Сидорченко**

СПАСАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЗНЕЙ И ИМУЩЕСТВА НА МОРЕ «ПО-ПИРАТСКИ»

В эпоху античности практически не было профессионального спасания человеческих жизней и имущества на море. В те времена имущество насильственно захватывали заодно с его владельцем, которого затем продавали в рабство.

Такое отношение к чужому имуществу и чужестранцам рассматривалось как естественная реакция пиратов и иных местных жителей, осуществляющих «право возмездия по отношению к варварским народам», подчеркивал римский юрист Помпоний.¹ Причем под варварскими народами подразумевались все другие народы, кроме своего, а также того, с которым есть договор о союзе или дружбе. Прекращение такого договора о дружбе или союзе автоматически зачисляло население бывшего дружеского или союзнического государства в число «недружественных народов».²

Право на возмездие появилось в качестве системы взглядов жителей стран Средиземноморья еще за 3000 лет до н. э. и существовало до I в. до н. э.

Понятия «международное право» и «международное морское право», которые объединяют большинство народов мира, возникли в относительно поздние времена. Прежде чем стать всеобщим, универсальным, международное право развивалось по регионам и было региональным вплоть до распада Римской империи. Основными регионами были: Двуречье и Египет, Индия и Китай, Древняя Греция и Древний Рим. В каждом из регионов возникли и развивались специфические международно-правовые институты, хотя им были присущи и некоторые общие черты, связанные в первую очередь с господством рабовладения, что хорошо видно из содержания одного из первых международных договоров, заключенного между египетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хаттушилем III в 1278 г. до н. э. Это был договор о военном союзе для подавления восстания рабов, выдаче беглых рабов и пр. Много общих черт можно увидеть и в таких международно-правовых институтах, как посольское право, законы

* Сидорченко Виктор Федорович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права СПбГУ.

© Сидорченко В. Ф., 2010

E-mail: intlaw@jurfak.ru

¹ Помпоний Секст // Всемирный биографический энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 606.

² Roddie J. An historical view of the law of maritime commerce. Edinburgh; London, 1841. P. 39–64.

и обычаи войны и право международных договоров. Кстати, древнейший международный договор был заключен еще в XXIII в. до н. э. между аккадским царем Нарамсином и мелкими правителями Элама.

Следует отметить, что наряду с правом возмездия по отношению к варварским народам в отдельных регионах возникли и развивались принципы гуманности некоторых законов и обычаев войны, о которых, в частности, говорится в индийском историческом памятнике — законах Ману (IV–II в. до н. э.). Эти принципы впоследствии были отражены в многочисленных международных конвенциях о законах и обычаях войны и о защите жертв войны (гуманитарное право). С древнейших времен известен институт неприкосновенности так называемых путешествующих послов, из которого затем выросло дипломатическое право. Важным исключением из права возмездия был институт покровительства иностранцам (проксения), существовавший в Древней Греции. Впоследствии из него выросло консульское право. Смешанно-согласительные комиссии для рассмотрения споров между Римом и другими государствами напоминают современные мирные способы разрешения споров между государствами.

Среди указанных правовых институтов древности особого внимания заслуживает институт покровительства иностранцам, который является вполне очевидным исключением из права возмездия. Иностранцы, как правило, были бесправны на территории других государств. Вместе с тем законы государств допускали, чтобы кто-то из граждан осуществлял покровительство в отношении конкретных иностранцев. Так, в законах Ману одной из обязанностей браминов признавалось оказание гостеприимства чужеземцам. В Африке у богосов, кумаллов и воллоголасов всякое лицо, не состоявшее в кровном родстве с этими туземными племенами и желавшее остаться среди них, выбирало для собственной защиты туземного патрона. Особенно широко было распространено оказание покровительства иностранцам в Древней Греции и Древнем Риме. Там существовали специальные институты такого покровительства, которые назывались проксением и патронатом.³

Значительное влияние на развитие международного права оказало римское право народов. По мнению римского юриста Домиция Ульпиана, та часть римского права, которая именовалась «правом народов», составляла нормы, касающиеся войн, плена, рабства, мирных договоров, перемирия, священного долга запрещения оскорблять послов, а также запрещения браков с чужестранцами. «Правом же народов, — продолжал Ульпиан, — его называют потому, что этим правом пользуются все народы».⁴ Римский юрист Секст Помпоний подчеркивал, что «если кто-нибудь нанесет ущерб послу враждебной стороны, то это должно рассматриваться как нарушение права народов, ибо послы почитаются священными».⁵

Фактически «право народов» в эпоху развитого общества Древнего Рима рассматривалось как естественное право, воплощенное в писаных законах и обычаях большинства народов мира. Известны тезисы римских юристов о том, что «слово, данное даже врагу, должно соблюдаться», что «договоры должны соблюдаться». Последнее правило

³ *Международное право* / Отв. ред. Г. Тункин. М., 1982. С. 13–15.

⁴ Ульпиан Домиций (около 170–228 г. н. э.) — римский юрист, сторонник естественного права. В 426 г. сочинениям Ульпиана была придана обязательная юридическая сила. Отрывки из сочинений Ульпиана включены в византийские Дигесты (избранные места из сочинений классических юристов Рима) (см.: *Ульпиан* // *Всемирный биографический энциклопедический словарь*. С. 775).

⁵ *Помпоний Секст*. С. 606.

носило в практике заключения рабовладельческими государствами международных договоров обычно-правовой характер и имело религиозную окраску.⁶

Вместе с тем недостаточная развитость торговых связей и иных отношений между народами и государствами, частые войны, нашествия переселяющихся народов, нападения пиратов и корсаров приводили к тому, что законы отдельных общностей (государств) стали служить своеобразным барьером, защищавшим имущественные и иные права конкретного города-государства и его населения от вторжения в его правовое поле любых чужеродных норм и обычаев. В этих случаях греческие города-государства позволяли своим гражданам самим защищать свои имущественные интересы от притязания чужаков (варваров).

Законодательство Рима также проводило четкую границу (по объему прав) между гражданами своего государства, гражданами государств-союзников и населением остального внешнего мира. Однако это различие стало менее значительным после того, как римляне покорили весь Средиземноморский регион.

Отличие от более поздних каперских свидетельств, наделявших их владельцев чрезвычайными полномочиями, естественное право на возмездие по отношению к представителям чужих народов существовало до тех пор, пока враждующие государства не заключили специальный договор, устанавливающий широкие правовые отношения между ними и устранивший состояние враждебности.

Вместе с тем в рабовладельческую эпоху, когда захватническая война была допустимым средством решения государствами своих экономических и политических проблем и когда не существовало юридического равенства между государствами, закрепленного на международном уровне и признаваемого всеми государствами под страхом признания их военных действий агрессией и применения к ним международных санкций, включая использование вооруженных сил против нарушителя, международные договоры далеко не всегда были равноправными и справедливыми, что было естественно в условиях, когда на содержание договоров прямо влияли военные, экономические и иные факторы. Иначе говоря, более сильные государства навязывали менее сильным свои кабальные условия.

В таких условиях международные договоры становились своеобразной формой шантажа слабого государства более сильным. Так, Этолийский союз (греческое военно-пиратское образование в III–II вв. до н. э.) поддерживал пиратство, которым занимались его члены, и извлекал пользу из их деятельности. Этолийцы получали причитающуюся им часть пиратской добычи. Если какое-либо из соседних государств желало обезопасить себя от пиратских нападений, ему приходилось подписывать договор, признававший власть Этолийского союза.⁷

Следует заметить, что греческие города-государства воевали не только со скифами или с арабами, но и друг с другом. Моряки (пираты и корсары) с острова Лесбос во главе с тираном Милета Гистием перекрыли пролив Босфор Фракийский и захватывали в районе Византии в 494–493 гг. до н. э. идущие из Понта торговые суда лишь тех государств, которые отказывались заключить с ними договоры об уплате дани.⁸ При этом сильные государства нередко обходились и без международных договоров, грабя суда более слабых государств. Так, во время Пелопоннесской войны 431–404 гг. до н. э.

⁶ *Международное право* / Отв. ред. Г. Тункин. С. 15.

⁷ *Право на возмездие* // Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. М., 1998. С. 453.

⁸ *Бурмистрова Л., Мороз В.* Детская энциклопедия. Пираты. Флибустьеры. М., 2000. С. 13.

в узком месте пролива Босфор, у Христополя, афиняне взымали с каждого входящего и выходящего корабля 10-процентную пошлину от стоимости перевозимого груза.⁹

Следует особо подчеркнуть, что в основе столь явного нарушения права одних мореплавателей действиями других лежало не только право силы, столь характерное для тех времен, но и уже упоминавшееся право на возмездие, в котором были и элементы первобытной жестокости, когда все воевали против всех в борьбе за выживание, и историческая неразвитость международного права, которое должно было бы защищать человеческую жизнь как особую ценность. Что касается пиратов, то для них право на возмездие было удобной практической и теоретической формулой, которой они оправдывали свой жестокий и бесчеловечный промысел.

Из использования этой формулы пиратами можно сделать два вывода: во-первых, пиратам не были вообще чужды какие бы то ни было правовые установления, ибо до того, как стать пиратами, многие из них были нормальными моряками, знающими и соблюдающими нормы права, в первую очередь морского; во-вторых, в поведении пиратов явно просматривается избирательность в отношении норм права, поскольку они отвергали далеко не все правовые установления, а лишь те, которые мешали их пиратскому промыслу и/или уравнивали пиратов с нормальными людьми, которых они презирали и в определенной мере боялись, особенно если те организовывали вооруженное противодействие пиратам.

Например, пираты Черного моря относились с пониманием к боспорскому царю Эвмелу (IV в. до н. э.) и воспринимали его как своего человека, поскольку он действовал как настоящий пират, ибо «власть в государстве захватил незаконно: добываясь трона, он умертвил всех своих родственников». Длительное время Эвмел не обращал внимания на пиратов, и те беспрепятственно грабили греческие суда и города. Но затем он был вынужден организовать большую морскую экспедицию против пиратов, и в 306 г. до н. э. флот Эвмела очистил от пиратов таврическое побережье от Феодосии до Херсонеса. Множество пиратов были убиты, их суда сожжены, а деревни уничтожены. Купцы, чьи суда ходили вдоль крымских берегов, вздохнули с облегчением. Теперь можно было не опасаться за сохранность товаров, отправляя свое судно в дальнее плавание. Но Эвмел не остановился на этом и решил разгромить поселения пиратов на колхидском берегу. Там разбойничьи племена ахеев и гениохов держали в страхе все побережье. Вожди пиратов, напуганные решительными действиями Эвмела, сочли за лучшее действовать сообща. Основное сражение между боспорцами и варварами произошло у города Горгиппия. Пираты были полностью разгромлены.

Эвмел правил всего шесть лет, но оставил о себе добрую память, уничтожив почти всех пиратов в Черном море. Ранняя смерть (он заразился малярией и умер) помешала ему завершить свои начинания.¹⁰

Из обычаев морского права пираты выбрали для своего использования в первую очередь те, которые были связаны с безопасностью мореплавания и в определенной мере оправдывали их пиратский промысел, т. е. захват добычи.

Самые первые пираты — береговые, грабившие потерпевшие крушение суда, помимо ссылок на «право возмездия», оправдывали пиратство тем, что владельцы и экипажи аварийных судов и грузов утратили контроль над ними под влиянием стихии или

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 23–25.

из-за собственной неопытности и ошибок, иными словами, они как бы потеряли свое имущество, ибо, когда случилась авария, они сами не смогли его спасти. Именно поэтому береговые пираты считали, что аварийное имущество является ничейным и они могут его грабить, т. е. «спасать» от полного уничтожения под действием стихии. Отсюда следует, что первые «морские спасатели» были береговыми пиратами.

По мере развития цивилизации и перехода к рабовладению объектом «спасания» стали не только материальные ценности (судно, груз и пр.), но и люди на судне, которых можно было захватить и тем самым «спаси» от гибели вследствие воздействия стихии, а затем продать на рынке и получить за них деньги или какие-то материальные ценности. При этом береговые пираты уже не ограничивались пассивным ожиданием того, что у их берегов произойдет кораблекрушение и они смогут разграбить судно с грузом и захватить пленников. Они начали строить небольшие суда, на которых подстерегали проходившие вблизи берегов суда и нападали на них, «спасая» имущество и людей от подстерегающих их морских опасностей. Особенно привлекательными в качестве объектов нападения были суда, которые на ночь подходили к берегу. Пираты нападали на них под покровом ночи и беспощадно «спасали» их. Если члены экипажа и пассажиры сопротивлялись такому «спасанию», то их истребляли, а сдавшихся в плен продавали на невольничьем рынке.¹¹

Среди методов пиратского «спасания» были и методы обмана. Так, финикийцы, которые прославились своим стремлением сделать морских пиратов более цивилизованными, чем они были на самом деле, как раз и использовали обман, когда сами начинали действовать как пираты. Финикийское судно, груженное различными редкими товарами, заходило как обычное торговое судно в какой-либо богатый порт, где жители были способны потратить много денег на приобретение дорогих заморских товаров. Судно подходило близко к берегу, но не швартовалось к причалу, а ложилось в дрейф, и экипаж начинал зазывать на судно как можно больше покупателей, перед которыми на палубе раскладывали все самое яркое и привлекательное, что было среди грузов. Покупателей доставляли с берега на шлюпках. Когда судно заполнялось желающими посмотреть на диковинные вещи и поторговаться с продавцами, судно медленно, с помощью одного или двух парусов, как бы под влиянием ветрового дрейфа или течения отходило все дальше от берега, а потом быстро поднимало все паруса и уходило прочь, увозя на своем борту всех покупателей, ставших пленниками и в конечном итоге рабами, обреченными на продажу.¹² Такой вариант «спасания» людей требовал тонкого расчета и в конкретном порту не мог использоваться пиратами дважды. На основе изложенного можно сделать вывод о том, что и древние финикийцы, считавшиеся наиболее опытными мореплавателями, могут быть отнесены к числу морских «спасателей», которые, захватывая свободных людей и превращая их в рабов, как бы «спасали» их.

Идея «спасать» людей на море от гипотетических опасностей путем захвата их в плен и превращения в рабов, но зато живых рабов вместо неизбежно погибших бы в море свободных людей, была, безусловно, идеей, извращенной с позиций современности, но продиктованной реалиями рабовладения, когда рабы признавались говорящими орудиями труда, а не людьми. Следовательно, исходя из характера социальных отношений того времени, пиратское «спасание» людей следовало бы квалифицировать

¹¹ Снисаренко А. Б. Эвпатриды удачи. Л., 1990. С. 31–32.

¹² Там же. С. 33.

как спасание (без кавычек) орудий труда, спасание производительных сил общества, т. е. спасание неких материальных благ, ибо каждый раб имел какую-то стоимость, определяемую при продаже. «Спасание» людей было для пиратов одной из форм приобретения пиратской добычи. В погоне за такой добычей сами пираты называли себя морскими спасателями.

Древняя пиратская идея трактовать захват свободных людей и обращение их в рабов как их «спасение» от каких-то опасностей получила неожиданное развитие через тысячи лет, когда в начале XVIII в. в Англии, в период правления королевы Анны был издан Указ «О королевской рыбе». Согласно Указу, в основе которого лежала концепция «подразумеваемого владения», объектом спасания на море могла быть так называемая «королевская рыба» (киты, касатки, тюлени, дельфины, осетровые и прочие морские животные и крупные рыбы, обозначаемые понятием «морская жизнь»). Вся «королевская рыба» считалась собственностью королевы и подлежала сдаче ей после вылова, а сам вылов «рыбы» трактовался как ее «спасение», поскольку при этом восстанавливалось королевское право собственности на «рыбу».¹³

Следует отметить, что при спасании на море личные вещи (одежда, обувь, драгоценности) обычно не являются объектом спасания.¹⁴ Все иные вещи, если «они составляют со спасаемым судном физическое или экономическое единство», признаются на этом основании объектами спасания.¹⁵ В ряде зарубежных законодательств объектом спасания признается не только имущество, ранее принадлежавшее человеку (судно, груз, багаж и пр.), но и имущество, владение которым лишь подразумевалось. «Королевская рыба» как раз относится к таким подразумеваемым видам собственности, которые могут быть объектами спасания. За сдачу «королевской рыбы» казначейству в Англии ловец-спасатель получает вознаграждение в размере 1/2 стоимости «рыбы», однако «в настоящее время, — замечает английский юрист В. Кеннеди, — практически никто эту “рыбу” королеве не передает», поскольку право на «рыбу» английские монархи начиная с XVIII в. постепенно передали «хранителям обломков кораблекрушения», т. е. специальным чиновникам, каждый из которых ведает определенным участком морского берега Великобритании.¹⁶

Если в Великобритании ловец-спасатель «рыбы» считается ее «спасателем», то в США ловец не считается спасателем, а приобретает статус собственника рыбы или животных и может выступить должником в отношении с морским спасателем, предотвратившим потерю или гибель добычи. Например, в США рассматривался случай спасения кита, который был убит из гарпунной пушки китобойным судном под американским флагом, накачан сжатым воздухом для поддержания его плавучести и поставлен добывающим китобойным судном «на флаг», т. е. с флагом на спине кит был оставлен плавать до тех пор, пока его не найдет китобойное судно-буксировщик и не отведет к плавучей китобойной базе на разделку. В темноте и тумане судно-буксировщик не смогло найти плавающего кита. Через сутки он был обнаружен с проходившего грузового судна под американским флагом, которое взяло кита на буксир и отвело в порт Нью-Йорк. Владельцы грузового судна-спасателя обратились в американский суд с требованием уплатить им вознаграждение за спасение кита. После длительного разбирательства суд

¹³ *Halsbury L. Laws of England. Vol. 1. London, 1954. P. 68–69.*

¹⁴ *Ferrarini S. Il soccorso in mare. Genes, 1950. P. 21–23.*

¹⁵ *Berlingieri G. Assistenza e salvataggio en mer. Milano, 1950. P. 26–27.*

¹⁶ *Norris M. J. The Law of salvage. New York, 1958. P. 429.*

признал, что кит условно (для целей спасания) может быть признан судном, и присудил спасателям вознаграждение в размере стоимости «кита-судна».¹⁷

В Италии (ст. 512 Навигационного устава) кит, выброшенный на отмель, является собственностью государства, а не лица, им завладевшего, которое может претендовать лишь на $\frac{1}{3}$ стоимости кита.¹⁸ Если «спасена» амбра, плававшая в море, то судебнo-арбитражные органы таких стран, как США, Канада, Австралия (ссылаясь иногда на древний обычай, упоминавшийся еще в ст. XXXIV Олеронских правил), продают ее на аукционе и из вырученной суммы назначают вознаграждение за «спасение».¹⁹

Если сопоставить правовую конструкцию «спасания» пиратами свободных людей с последующим обращением спасенных в рабов с правовой конструкцией «королевской рыбы», когда морских животных и рыб, свободно обитающих в своей родной среде, ловят, называя это «спасанием», а затем используют в пищу или для других целей, то можно увидеть определенное сходство между ними и одновременно значительное отличие от положений международного и национального правовых институтов спасания имущества и людей на море.

Сходство проявляется в следующем: 1) при спасании людей по-пиратски и при спасании «королевской рыбы» вся операция осуществляется только в интересах спасателей; 2) операция проводится вопреки воле «спасаемых» людей, не говоря уже о «рыбе»; 3) цель «спасания» в том и другом случае — это получение добычи, в том числе с применением жестокости и насилия по отношению к людям; 4) право на вознаграждение за спасение возникает лишь в том случае, если операции завершились успехом. В связи с этим основной принцип спасания на море гласит: «Без спасения — нет вознаграждения» («No cure — no pay»). Слово «cure» в данном контексте означает достижение успеха в результате проведения спасания, т. е. реальное наличие после завершения спасания каких-то материальных благ, которые удалось спасти и вернуть собственнику. Такими благами обычно являются судно, судовое имущество, груз, багаж пассажиров, рыболовные принадлежности и пр. Если есть спасенное имущество, то из него можно выделить какую-то часть и передать спасателям в качестве вознаграждения. Иначе говоря, должен быть какой-то «фонд» в виде спасенного имущества, из которого спасатель получает свою долю.

На протяжении тысяч лет и до начала XIX в. нашего времени за спасение обломков кораблекрушения или судна, покинутого экипажем, спасателям полагалось вознаграждение в размере 50 % от стоимости спасенного: это было так называемое «правило половины».²⁰ При этом оплата вознаграждения производилась обычно не деньгами, а в виде части спасенного имущества. Так, в Уставе торговом России 1836 г. предусматривалось, что при спасании аварийного судна, находящегося дальше одной версты от берега, полагалось вознаграждение в размере $\frac{1}{4}$ части от спасенного имущества, а при нахождении спасаемого судна ближе одной версты — $\frac{1}{6}$ часть от спасенного имущества²¹.

В прошлом в формулировке рассматриваемого принципа «Без спасения — нет вознаграждения» (в его английском написании) вместо слова «cure» использовалось слово

¹⁷ Colby v. Todd Packing Co. // *American Maritime Cases*. 1948. P. 1881–1883.

¹⁸ *Manca P.* The Maritime Code. Milano, 1958. P. 254.

¹⁹ *Norris M. J.* The Law of Salvage. P. 64–65.

²⁰ *Le droit maritime français*. 1960. N 139. P. 413–414.

²¹ *Статья 520 Устава торгового России // Свод законов Российской империи*. Т. XI. 4. II; *Добровольский К., Берг Н.* Сборник решений Правительствующего Сената по торговым делам. СПб., 1914. Т. I. Дело № 1879/435.

«fund» (фонд), а сам принцип формулировался как «No fund no pay» («Нет фонда — нет вознаграждения»). После отказа от фиксированных спасательных вознаграждений, существовавших на основе «правила половины» и других подобных правил, и перехода с XIX в. нашей эры к судебному порядку определения размера вознаграждения указанный принцип приобрел вид «No cure — no pay» («Без спасения — нет вознаграждения») и в таком виде вошел в современное международное и национальное морское право.

Формулу спасания «No cure — no pay» можно было бы сравнить с пиратским принципом «No purchase — no pay», где слово «purchase» («приобретение») имело в античные времена значение «награбленное добро; добыча, взятая силой». Отсюда пиратский принцип звучал как «Нет добычи — нет вознаграждения».²²

Однако постепенно, особенно после того, как среди пиратов распространились (в виде обычаев) так называемые Корабельные законы, пиратский принцип «No purchase — no pay» стал означать «Нет приобретений — нет вознаграждения».²³ Если сравнить это последнее выражение с принципом спасания «Без спасения — нет вознаграждения», то видно явное внешнее сходство между ними.

Во-первых, как пиратский промысел, так и спасательные операции являются рискованными предприятиями, поскольку пираты, рискуя своими жизнями, могут ничего не добыть, а спасатели аварийного имущества на море, начиная операцию, рискуют тем, что могут не добиться успеха спасания, и в этом случае они не только не получают спасательного вознаграждения, но и им даже не возместят расходы и убытки, которые спасатели понесли во время спасания.

Во-вторых, оплата вознаграждения как пиратам, так и спасателям зависит от наличия «фонда», который пираты называют «добычей», или «приобретением», а спасатели — «спасенным имуществом».

В-третьих, как пираты, так и спасатели выполняют свою работу (применительно к пиратам слово «работа» нужно ставить в кавычки) с целью внесения какого-то вклада в создание «фонда» (добыча, приобретение, спасенное имущество), т. е. они работают «на один счет», как это делали в прошлом ремесленники, адвокаты и другие лица и как это делают в наше время рыбаки, каждый из которых получает в зависимости от должности на судне свой пай (долю) из общей заработанной суммы, вырученной за проданную (сданную на рыбзавод) рыбу.

В связи с формированием единого пиратского фонда как результата их промысла среди пиратов было распространено выражение «Account, going on the...» («Счет идет на...»), означавшее, что вознаграждение не выплачивается до захвата добычи. Каперы также придерживались весьма похожего на пиратский принципа «Нет приобретений — нет оплаты».²⁴

Что касается распределения добычи (у пиратов) или вознаграждения (у спасателей), то здесь различий намного больше. Спасатели действуют главным образом в интересах спасаемых, ибо получают вознаграждение, размер которого колеблется в пределах 3–10 % от стоимости спасенного имущества, в то время как пираты действуют в собственных интересах и получают всю добычу, которую им удалось захватить. Естественно, что в случаях, когда пираты создали какое-то объединение или у них есть покровители, включая архи-пиратов, им приходится отдавать часть добычи властям порта-убежища,

²² Мервен Ж. Энциклопедия пиратства. М., 1999. С. 121–128.

²³ «Нет приобретений — нет платы» // Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. С. 387–388.

²⁴ «Счет идет на...» // Там же. С. 545.

или своему покровителю, или архипирату и пр. Однако на момент окончания пиратского рейда все добытое пиратами принадлежит им.

Передав часть добычи своим покровителям, пираты начинали делить оставшуюся ее часть. Например, античные пираты делили награбленное добро более или менее поровну, заимствуя правила дележа трофеев, применявшиеся в армии. Греческие и римские солдаты получали равные доли. Более крупные доли были у военачальников и лиц, отличившихся в бою.

Греческие обычаи хорошо описаны Ксенофонтом, который был наемным солдатом и историком.²⁵ Если армия становилась лагерем на отдых, любой человек мог выйти из лагеря для грабежа, и все награбленное по праву принадлежало ему. Но если армия находилась в походе, все, что добывалось одним человеком, объявлялось общей собственностью. Пленные становились частью общественной собственности и охранялись до тех пор, пока их не продавали или дарили. Солдаты могли присваивать любую мелкую вещь, найденную на поле боя. Римские законы объявляли рабов государственной собственностью, и, как правило, командиры поровну распределяли все, взятое у пленных.

Из многочисленных памятников прошлого следует, что пираты Древнего мира и античности при дележе добычи использовали правила, принятые в регулярных войсках. Одна из причин такого заимствования заключалась в том, что подобный порядок дележа был и у древних каперов, которые активно сотрудничали с регулярными войсками. Поскольку древние каперы (корсары) были одновременно и пиратами, то они познакомились с этим порядком и всех других пиратов.

В поэме Гомера «Одиссея» члены экипажа судна Одиссея делили трофеи поровну. Жители Этолии и городов острова Крит поощряли пиратство и заключали специальные договоры с пиратами о разделе будущей добычи. По критским законам, добыча делилась на количество членов экипажа пиратского судна. Перед дележом городские власти забирали себе десятую часть, как объявлялось, для пожертвования Аполлону. В «Эфесской истории» (греческий роман II в. н. э.) говорится, что вся добыча делится между пиратами поровну, но капитан выбирает свою долю первым. В «Эфиопских приключениях» (греческий роман III в. н. э.) право первого выбора доставалось тому, кто первым взобрался на борт вражеского корабля при abordаже.²⁶

В заключение можно сказать, что некоторые современные пираты, например сомалийские, как бы вернулись к античному спасанию «по-пиратски», поскольку они, захватывая людей и имущество, не присваивают их, а обменивают на денежный выкуп, выплачиваемый владельцами судна и груза. Такой выкуп подобен продаже людей и имущества на античном рынке.

²⁵ Ксенофонт (около 430–355/354 гг. до н. э.) — древнегреческий писатель и историк. Почти все его многочисленные сочинения дошли до нашего времени (в том числе «Анабасис», так называемые «Сократические сочинения», «Киропея», трактат «О домашнем хозяйстве»). Основное произведение «Греческая история» (в семи книгах) — изложение событий 411–362 гг. до н. э. с проспартанских и антидемократических позиций. Стиль Ксенофонта считался классическим образцом аттической речи (см.: *Всемирный биографический энциклопедический словарь*. С. 389).

²⁶ *Добыча* // Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. С. 152–154.